

DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13

СОВРЕМЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Ю.А. Нисневич, А.В. Рябов

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, доктор политических наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ. Для связи с автором: nisjulius@gmail.com; РЯБОВ Андрей Виленович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: andreyr@imemo.ru

Статья поступила в редакцию: 16.02.2016. Принята к печати: 27.03.2016

Аннотация. В статье анализируются идеологии авторитарных и неоавторитарных режимов. Анализ проводится по следующим группам: “рудиментарные” авторитарные режимы, постколониальные диктатуры, неоавторитарные режимы. Внутри первой группы выделены две подгруппы: авторитарные монархии и “коммунистические режимы”. Режимы, объединенные в третьей группе, также подразделены на две подгруппы: постсоветские режимы и неоавторитарные режимы Африки, Азии и Латинской Америки. Отмечается, что в век упадка идеологий в глобальном масштабе авторитарные и неоавторитарные режимы по-прежнему нуждаются в политических идеологиях для легитимации своей власти. Современная эпоха ставит авторитарные и неоавторитарные режимы перед новыми и все более сложными вызовами, и они в целях адаптации к условиям быстро меняющегося мира вынуждены становиться более гибкими в вопросах идеологии, отказываясь от ее прежней цельности в пользу многослойности и эклектичности. У неоавторитарных режимов составной частью их идеологий становится идеология коррупции – система установок на использование полномочий и ресурсов публичной власти для личного или группового материального и нематериального обогащения. Но при этом несущей конструкцией политических идеологий всех авторитарных и неоавторитарных режимов остается приоритет государства как высшей ценности. Человек, защита его прав и свобод, даже несмотря на признание их как ценности неавторитарными режимами, играет в их идеологической иерархии и политических практиках второстепенную и подчиненную роль.

Ключевые слова: авторитаризм; неоавторитаризм; политические идеологии; ценности; права человека; свободы человека; государство; общество; человек.

ВВЕДЕНИЕ

После Второй мировой войны формально общепринятыми ценностями современного мира стали права и свободы человека, общественно-политический консенсус относительно целей и путей дальнейшего развития демократических обществ, что спровоцировало постепенный упадок политических идеологий и ослабление их роли.

Для понятия “идеология” в общенаучном смысле и для понятия “политическая идеология” существует множество определений с разной смысловой нагрузкой, но ни одно из них не несет ни общепризнанного смыслового наполнения, ни концептуализации этого явления. Идеология может быть массовой, общей для социальной группы или персональной, носить публичный или латентный характер. В этом контексте политическая идеология представляется системой взглядов, идей и установок в поле политики, включая пространство публичной власти.

Для инструментализации понятия политической идеологии предпочтительна ее концептуализация как явления структурно-функционального характера, определяющего политические решения и действия по завоеванию, удержанию

и использованию публичной власти. При таком подходе политическая идеология может быть определена как “систематизированная и концептуализированная совокупность идей и установок, предназначенных для идентификации и самоорганизации групп в пространстве власти, артикуляции и презентации их интересов, а также соответствующих изменений в государственной политике (политической системе) на основе коллективных (корпоративных) представлений о прошлом, настоящем и будущем развитии общества” [Соловьев 2007: 347]. В качестве “групп в пространстве власти” могут выступать как правящие и оппозиционные социальные группы и их коалиции, так и доминантно правящие политические акторы и их сателлиты. Для самоидентификации, самоорганизации и внутригрупповой артикуляции интересов правящих групп может использоваться публично не афишируемая совокупность взглядов, идей и установок по поводу публичной власти, т.е. латентная политическая идеология.

Для публичной артикуляции и презентации интересов правящих и оппозиционных групп, обоснования проводимой правящими группами политики и ее изменений может использоваться отличная от латентной, иная публично афишируемая политическая идеология, дифференцированная для внутриполитического и внешнеполитического представления.

В контексте государств развитой демократии и вступивших на стезю демократических перемен представляется возможным говорить если и не в полной мере о “конце идеологии”, то с достаточной долей уверенности о конце конфронтации идеологий. Даже принципиальные противники тезиса о “конце идеологии” признают существенные трансформации, которые произошли в “идеологической сфере западных стран”, по терминологии А. Зиновьева [Зиновьев 2003: 178], или в “идеологическом пространстве” – по терминологии С. Жижика [Жижек 1999: 93].

Идейно-ценностную основу современных западных обществ, их мировоззрения составляют ныне не идеологии, а концепция прав и свобод человека, закрепленная во Всеобщей декларации прав человека, которая была утверждена и провозглашена резолюцией 217А(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.¹ Эта декларация, не носящая юридически обязывающего характера, принципиально определила в качестве главной социальной ценности человека его достоинство и неотъемлемые права, признание которых, как указано в преамбуле декларации, “является основой свободы, справедливости и всеобщего мира”. Принятие Всеобщей декларации прав человека послужило отправной точкой процесса деидеологизации – устранения влияния идеологии на массовое политическое сознание и общественные процессы², наступления “постидеологической эпохи” [Зиновьев 2003: 178] или, как представляется более корректным, эпохи “банкротства классических политических идеологий” [Халапсис 2010: 62].

Однако существует значительное количество государств с недемократическими, авторитарными и неоавторитарными режимами³. Для них характерно “отсутствие разработанной и ведущей идеологии” [Linz 1975: 264]. При этом, хотя и в существенно иной степени и более мягких формах проявления, чем для тоталитарных коммунистических, фашистских и национал-социалисти-

¹ Всеобщая декларация прав человека: первое международное заявление о признании достоинства и равенства, присущих всем людям. 2007. – *Официальный сайт ООН*. Доступ: <http://www.un.org/ru/events/humanrightsday/2008/history.shtml>

² Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю. 2010. *Политологический словарь-справочник*. Ростов н/Д: Феникс. 318 с.

³ Систематизацию современных авторитарных и неоавторитарных режимов на основе доминирующих механизмов их функционирования – принуждения и коррупции см. [Нисневич 2006]).

ческих режимов XX в. [см. Арендт 1996], политическая идеология сохраняет свое значение как инструмент “поддержания социального господства, самолегитимации режима” [Соловьев 2007: 351], сплочения и мобилизации масс в его интересах и в соответствии с его политическими целями.

Поскольку для современных авторитарных и неавторитарных режимов “конец идеологии” явно не наступил, анализ политических идеологий таких режимов представляется актуальной и значимой исследовательской задачей. Методология решения этой задачи включает применение историко-сравнительного метода⁴ в сочетании с методом политико-правового анализа [см. Нисневич 2011] и обработку фактологической информации путем сопоставления, взаимной верификации и комплексной агрегации информации различных источников. Источниками фактологических данных о конституционно-правовых, политико-исторических и других характеристиках исследуемых государств и режимов послужили научные публикации и интернет-сайты [Гевелинг 2001; Карозерс, Орен 2015; Сильвия 2009; Goemans, Gleditsch, Archigos 2009]⁵.

“РУДИМЕНТАРНЫЕ” АВТОРИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Первую подгруппу “рудиментарных” авторитарных режимов составляют 11 авторитарных монархий. Их основные характеристики представлены в табл. 1.

Идеологическая составляющая сохранившихся режимов авторитарной монархии определяется сочетанием ислама как государственной религии и освященной им монархии. Единственное исключение представляет Свазиленд, в котором нет официальной государственной религии, а в качестве доминирующей выступает христианство (82,7% населения). В этом государстве авторитаризм королевской власти укоренен в патриархально-племенных структурах и традициях местного общества, сохраняющего аграрный характер.

Сочетание ислама и монархической идеологии определяет базовые ценности, которые разделяют и правящие, и подданные, и выступает в качестве основополагающего фактора сплочения и мобилизации подданных на поддержку правящей династии. В Малайзии и Брунее к ним еще добавляется национализм, хотя и представлен он в разных интерпретациях.

Идеологическая триада “человек – общество – государство”, по иерархическому построению которой можно оценивать сущность различных политических подходов и идеологий, при режиме авторитарной монархии имеет, как правило, вершину, состоящую из двух связанных пиков. Один пик соответствует государству-монархии, а другой – обществу в формате религиозной общности. Исключение составляет Свазиленд, для которого вершиной идеологической триады служит только государство. Человеку, его правам и свободам при режиме авторитарной монархии отводится подчиненная роль. Обращает на себя внимание тот факт, что конституции таких абсолютных или конституционных авторитарных монархий, как Бахрейн, Иордания, Катар, Кувейт и Оман, вклю-

⁴ См. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. 2009. М.: Канон +, РООИ “Реабилитация”. 1248 с.

⁵ См. Классификатор: страны мира. – *Страны мира*. Доступ: <http://www.mir-geo.ru/> (accessed 24.05.2016); *Конституции государств (стран) мира*. Доступ: <http://worldconstitutions.ru> (проверено 25.05.2016); *Constitute Projects*. URL: <https://constituteproject.org> (accessed 24.05.2016); *Encyclopedia of the Nations*. URL: <http://www.nationsencyclopedia.com> (accessed 24.05.2016); *Global Leadership Project (GLP)*. URL: <http://glp.bu.edu> (accessed 24.05.2016); *Латинская Америка*. Доступ: <http://latindex.ru> (проверено 25.05.2016); *The Central Intelligence Agency*. URL: <http://www.cia.gov/index.html> (accessed 24.05.2016); *The Global Economy*. URL: <http://theglobaleconomy.com> (accessed 24.05.2016); *The World Bank*. URL: <http://www.worldbank.org> (accessed 24.05.2016); *WIPO – World Intellectual Property Organization*. URL: <http://www.wipo.int/portal/en/index.html> (accessed 24.05.2016).

чают вместо раздела о правах и свободах человека и гражданина раздел о правах и, что характерно, обязанностях граждан этих государств.

Таблица 1 (Table 1)

Авторитарные монархии
Authoritarian Monarchies

Конституционное название	Тип монархии	Начало режима	Государственная религия	Регион
Королевство Саудовская Аравия	АТ	1932	Ислам	БВ
Государство Кувейт	А	1961	Ислам	БВ
Султанат Оман	А	1970	Ислам	БВ
Государство Катар	А	1971	Ислам	БВ
Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)	АФ	1971	Ислам	СВ
Государство Бруней-Даруссалам	АТ	1984	Ислам	ЮВА
Иорданское Хашимитское Королевство	КД	1946	Ислам	БВ
Королевство Бахрейн	КД	1971	Ислам	БВ
Королевство Свазиленд	КД	1968	Нет	ЮА
Королевство Марокко	КП	1956	Ислам	СА
Федерация Малайзия	КП, ФТ	1963 (без Сингапура 1965)	Ислам	ЮВА

Сокращения. Тип монархии: АТ – абсолютная теократическая; А – абсолютная; АФ – абсолютная федеративная; КД – конституционная дуалистическая; КП – конституционная парламентарная; ФТ – федеративная теократическая. *Регион:* БВ – Ближний Восток; СВ – Средний Восток; ЮВА – Юго-Восточная Азия; ЮА – Южная Африка; СА – Северная Африка.

Вторую подгруппу – подгруппу “коммунистических рудиментов” – составляют четыре государства с правящими авторитарными коммунистическими режимами и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), в которой правит последний сохранившийся в мире тоталитарный коммунистический, а точнее национал-коммунистический, режим. Основные характеристики этих государств представлены в табл. 2.

“Коммунистические рудименты”, в которых формой правления выступает советская республика⁶, сохранились в Азии, и только Республика Куба расположена в Латинской Америке⁷. Эти режимы образовались в результате трансформаций исходных тоталитарных коммунистических режимов в более “мягкие” авторитарные формы, которые по классификации Х. Линца и А. Степана обозначаются как посттоталитарные режимы [см. Linz, Stepan 1996]. При таких

⁶ Этим термином в российской юридической науке обозначается республиканская форма правления, при которой единую систему органов власти составляют советы, действующие на непрофессиональной основе. (См. *Большой юридический словарь*. Под ред. А.Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с.)

⁷ *От Редакции.* В российской правоведческой справочно-педагогической литературе сохраняется позиция удивительная для современной политической науки. Ее сторонники характеризуют форму правления ряда стран, формально сохраняющих социалистическую ориентацию развития, как “советскую” или “советского типа”. Такое основание для проводимой авторами статьи классификации представляется Редакции довольно шатким как с формальных позиций, так и, тем более, с содержательных. В частности, китайские коммунисты сознательно отказались от советской формы государственного строительства еще в 1937 г. Расширительное же толкование *советского* находит отклик лишь у отечественных сторонников формально-юридического подхода, т.е. представителей иной, нежели политическая наука, отрасли знания. Тем не менее, Редакция видит в этой коллизии повод для дискуссии о советском в современной политике.

трансформациях, как правило, коммунистическая идеология редуцируется как для правителей, так и для управляемых. Она утрачивает мобилизационный характер и начинает выполнять ритуальную функцию выражения лояльности существующему порядку. Политическое и социальное поведение и номенклатурных элит, и масс населения в условиях посттоталитарного режима мотивируется уже не идеологией, а соображениями приспособления к новым реалиям жизни, в которой уже доминируют потребительские ценности в повседневной практике, но по-прежнему господствует дефицит и закрыты каналы вертикальной мобильности. Конечная цель таких перемен состоит в сохранении власти правящей партийной номенклатуры в условиях изменившихся обществ.

Таблица 2 (Table 2)

“Коммунистические рудименты”
“Communist Rudiments”

Конституционное название	Тип режима	Начало режима	Правители	Регион
Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР)	К	1975	Народно-революционная партия Лаоса	ЮВА
Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ)	К	1976	Коммунистическая партия Вьетнама	ЮВА
Китайская Народная Республика (КНР)	К	1949	Коммунистическая партия Китая	ВАз
Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР)	ПД	1948	семейство Ким, Трудовая партия Кореи	ВАз
Республика Куба	П	1959	братья Кастро, Коммунистическая партия Кубы	КБ

Сокращения. **Тип режима:** К – корпоративный; ПД – персоналистский династический; П – персоналистский. **Регион:** ЮВА – Юго-Восточная Азия; ВАз – Восточная Азия; КБ – Карибский бассейн.

В триаде “человек – общество – государство” редуцированная коммунистическая идеология провозглашает приоритет общества в формате новой общности, которую в СССР назвали “советский народ”, но в политической практике абсолютной доминантой выступает всепроникающее государство – “бильярдный шар” по терминологии С. Хантингтона [Хантингтон 2005: 37].

В КНДР коммунистическая идеология, напротив, трансформировалась в сторону ужесточения. Отправной точкой для этого послужило то, что в 1955 г. основатель государства Ким Ир Сен в противовес марксистским идеям, исходившим из СССР и Китая, провозгласил чучхе – идеологию “самобытности”, “опоры на собственные силы” [Балканский 2011: 144]. В соответствии с идеями чучхе, на вершине иерархии находится вождь, принимающий решения, затем следует партия, передающая их массам, и далее народ, исполняющий указания вождя. Один из важнейших тезисов чучхе – тезис о ключевой роли вождя в жизни государства [там же: 181-182]. КНДР пыталась активно популяризировать идеологию чучхе в странах третьего мира.

В начале XXI в. идеология чучхе была дополнена доктриной “сонгун”, обосновывающей превращение КНДР в единый военный лагерь и особую роль армии в политической системе страны. Это указывало на определенную эволюцию коммунистической идеологии в КНДР. Отказавшись от безуспешных попыток представить чучхе как одну из конкурирующих коммунистических доктрин, пре-

тендовавших в годы правления Ким Ир Сена на глобальную роль, руководство КНДР свело коммунистическую идеологию к сугубо охранительной функции, призванной обосновать необходимость защиты системы от внешнего мира и убедить население Северной Кореи в исключительности, особости ее пути развития.

В Китае, Вьетнаме и в меньшей степени Лаосе (ввиду его значительной отсталости) коммунистическая идеология уже почти 30 лет обслуживает переход этих государств к рынку и строительству бюрократического капитализма. В силу специфики восточноазиатских обществ коммунистическая идеология поначалу выполняла роль идеологии развития, призванной преодолеть вековую отсталость этих стран и нацеленной на мобилизацию их обществ на переход от аграрного уклада к современному, урбанистическому. Она сохранилась и позднее, в процессе перехода к рынку, начавшегося в конце 1970-х годов в Китае и в середине 1980-х годов во Вьетнаме, только акцент переместился на повышение материального благосостояния трудящихся.

Однако по мере складывания в этих странах новой общественно-политической реальности — государственного капитализма, не имеющего ничего общего с социализмом XX в. и его социальными гарантиями и господством государственной собственности, функции коммунистических идеологий в Китае и Вьетнаме изменились. Носителями модернизационных устремлений стали многочисленные национальные предприниматели, а также специалисты, связанные с новым экономическим укладом. Реализация интересов общества уже не воспринималась населением как исключительная прерогатива коммунистических партий. В этих условиях коммунистическая идеология сосредоточилась на выполнении охранительной функции сохранения власти компартий и привилегий правящей номенклатуры, накопившей в результате развития государственного бизнеса и коррупционных связей значительные богатства. Одновременно за коммунистической идеологией в Китае и Вьетнаме сохраняется функция формирования морального императива — кодекса поведения людей в обществе. В Китае, например, роль такого морального регулятора должна выполнять пропаганда “системы сердцевинных ценностей социализма” [Ломанов 2015а: 21-23]. Примечательно, что эти ценности выстроены в строгую иерархию “сверху вниз” — от государства к обществу и далее к человеку. Главенствующее положение занимает богатое и сильное государство, а не свобода личности” [см. Ломанов 2015б]. Даже в модернизированном и динамично развивающемся Китае ценности государства в рамках официальной коммунистической идеологии продолжают играть ту же системообразующую роль, что и при более ранних формах коммунистического авторитаризма.

Куба, в отличие от Китая, Вьетнама и Лаоса, лишь только приступает к рыночным реформам. Поэтому перспективы коммунистической идеологии в этой стране пока не совсем ясны. В годы после распада СССР и социалистического лагеря эта идеология представляла собой разновидность левого национализма, призванного мобилизовать население на защиту от внешнего врага — США. Не исключено, что уже в скором будущем роль коммунистической идеологии в этой стране будет редуцирована лишь к задачам обоснования претензий правящей ныне партийной номенклатуры на сохранение власти и присвоение собственности уже в условиях нового капиталистического строя.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДИКТАТУРЫ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Основные характеристики восемнадцати продолжающих свое существование постколониальных диктатур представлены в табл. 3.

Таблица 3 (Table 3)

Постколониальные диктатуры
Post-colonial Dictatorships

Конституционное название	Форма правления	Тип диктатуры	Начало режима	Правители	Регион
Габонская Республика	ПрР	ПД	1967	Президент, сын предыдущего президента, с 2009 г.	ЦА
Тоголезская Республика	ППР	ПД	1967, военный переворот Эйадема Гнассингбе	Президент, сын Эйадема Гнассингбе, с 2005 г.	ЗА
Республика Конго	ПрР	П	1979, военный переворот	Президент, с 1997 г.	ЦА
Республика Экваториальная Гвинея	ПрР	П	1979, военный переворот	Президент, с 1979 г.	ЦА
Республика Камерун	ППР	П	1982, вынужденная отставка президента	Президент, с 1982 г.	ЦА
Гвинейская Республика	ПрР	К	1984, военный переворот	Военная хунта	ЗА
Демократическая Республика Конго	ППР	ПД	1997, вооруженный захват власти, Лоран-Дезире Кабила	Президент, сын Лорана-Дезире Кабила, с 2001 г.	ЦА
Республика Джибути	ПрР	ПД	1977, Хассан Гулед Аптидон	Президент, племянник Хассана Гуледа Аптидона, с 1999 г.	ВА
Республика Уганда	ПрР	П	1986, военный переворот	Президент, с 1986 г.	ВА
Эритрея	ПаР	П	1993, война за отделение от Эфиопии	Президент, с 1993 г.	ВА
Республика Ангола	ПрР	П	1975, гражданская война	Президент, с 1979 г.	ЮА
Зимбабве	ПрР	П	1980, партизанская война против сегрегации	Президент, с 1987 г.	ВА
Республика Судан	ПрР	П	1989, военный переворот	Президент, с 1993 г.	СА
Алжирская Народно-Демократическая Республика	ППР	П	1999, военный переворот (1992)	Президент, с 1999 г.	СА
Республика Чад	СР	П	1990, военный переворот	Президент, с 1990 г.	ЦА
Руандийская Республика	ППР	П	2000, военное вторжение	Президент, с 2000 г.	ВА
Республика Союз Мьянма	ПаР	К	1988, военный переворот	Военная хунта, президент с 2016 г.	ЮВА
Королевство Камбоджа	КПМ	П	1998, государственный переворот	Премьер-министр, с 1998 г.	ЮВА

Сокращения. **Форма правления:** ПрР – президентская республика; ППР – президентско-парламентская республика; ПаР – парламентская республика; СР – смешанная республика; КПМ – конституционная парламентская монархия. **Тип диктатуры:** ПД – персоналистская династическая; П – персоналистская; К – корпоративная. **Регион:** ЦА – Центральная Африка; ЗА – Западная Африка; ВА – Восточная Африка; ЮА – Южная Африка; СА – Северная Африка; ЮВА – Юго-Восточная Азия.

Мьянма после почти семидесятилетней полуизоляции вступила на трудный путь демократических изменений, перспективы которых в силу ряда причин остаются неопределенными. В свою очередь Камбоджа представляет собой единственную постколониальную диктатуру с конституционной парламентской монархией, но возглавляет правящий режим не король, которому отводится лишь символическая роль, а премьер-министр Хун Сен, бывший высокопоставленный деятель прокоммунистической Народно-революционной партии, правившей в Камбодже в годы вьетнамской оккупации (1979-1989 гг.). Политические установки камбоджийского режима включают идеи либерализации экономической и политической жизни, защиты частной собственности, политического плюрализма. Легитимность режима в решающей степени обусловливается личностью самого Хун Сена, способного примирить враждующие группировки внутри страны, привлечь в Камбоджу иностранные инвестиции, поддерживать хорошие отношения с соседями, использовать дружбу с США как противовес усиливающемуся влиянию Китая.

В 15 африканских диктатурах правит персоналистский режим. При этом в Габоне, Того, Демократической Республике Конго и Джибути он уже приобрел черты династического. Только в Гвинее, где правит военная хунта, режим носит корпоративный характер.

Персоналистское восприятие политической власти глубоко укоренено в политической культуре народов Африки. Оно восходит к традиционным представлениям о власти племенных вождей, не ограниченной сроками и носящей сакральный характер. Эти представления были перенесены на политическую власть, трансформируясь в идею пожизненного президентства [Vacunta 2006: 35]. В этом кроется главная причина спокойного отношения африканских народов к длительности пребывания диктаторов у власти. В “трайбализированной” системе координат не находится места для понимания важности существования сильной оппозиции в обществе.

Принципиально важно, что абсолютное большинство, а именно 13 из ныне правящих африканских диктатур, были установлены в результате вооруженных конфликтов (военный переворот, военное вторжение, гражданская или партизанская война).

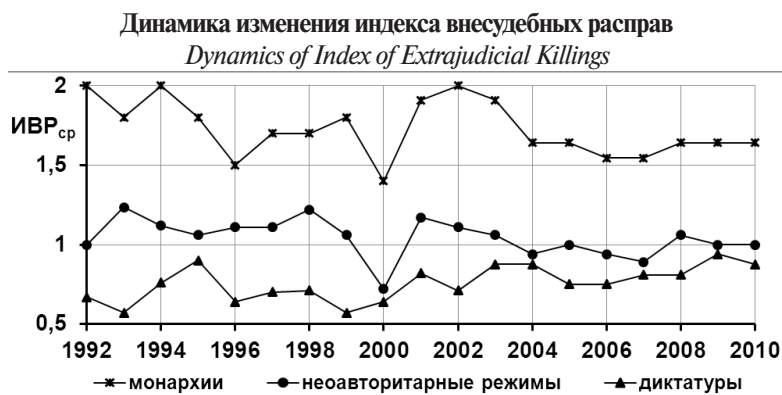
Для постколониальных диктатур в африканских странах характерно идеологическое многообразие в использовании различных публично афишируемых идеологий. На выбор диктаторским режимом той или иной публичной идеологии оказывают влияние разные факторы, но, пожалуй, в первую очередь – происхождение самих диктатур. Так, все режимы, пришедшие к власти в результате гражданских войн или вооруженных конфликтов с соседними государствами, стремятся представить себя в качестве гарантов сохранения единства, территориальной целостности и независимости их стран, предотвращения рецидивов межплеменных и межэтнических войн. Диктаторы пытаются выдать достижение мира за свою личную заслугу и позиционировать себя таким образом, что альтернативой их власти может быть только хаос и распад. Поэтому они считают себя в полном праве распоряжаться этими странами как своей собственностью. И это определяет базовую систему взглядов и идейных установок постколониальных диктатур в Африке. В их идеологиях важную роль занимает культ личности диктатора, “сконструированный по традиционным африканским моделям”. Он включает в себя создание образа правителя как исключительно отважного воина, обладателя магических способностей, делающих его неуязвимым, как плодовитого “отца нации”, имеющего множество детей, и непримиримого борца с коррупцией

и злоупотреблениями чиновников, беспощадного к ее “врагам” [История Африки... 2012: 738]. Именно такая идеология, поддерживающая культ личности вождя, определяет политические решения и действия диктатора, основанные на применении насилия против неугодных, и служит оправданием коррупции и незаконного обогащения как его самого, так и его сателлитов. Можно предположить, что подобная идеология обуславливает тот факт, что постколониальные диктатуры представляют собой наиболее жесткие режимы в плане применения насилия (наряду с тоталитарным режимом в КНДР).

Этот тезис проиллюстрируют приведенные на рис. 1 диаграммы динамики изменения средних для разных подгрупп авторитарных режимов значений индекса внесудебных расправ (ИВР), определяемого в базе данных о правах человека Чингранелли–Ричардса (*CIRI Human Rights Data Project*)⁸. Дискретный индекс ИВР принимает значение 0, если внесудебные расправы происходили часто (более 50 раз), 1 – если не часто (от 1 до 49 раз), 2 – если не происходили. Хотя анализ данных указанной базы показывает, что их достаточный уровень достоверности вызывает сомнения, но использование этих данных для иллюстративного примера представляется допустимым.

Но идеология правителей постколониальных диктатур, апеллирующая к культу личности, не всегда годится для широкого общественного потребления, для сплочения и мобилизации масс на поддержку правящего диктаторского режима, особенно если долгое правление диктатора сопровождается обнищанием населения и всепроникающей коррупцией. В этих условиях для укрепления власти правящего режима требуется публично артикулируемая идеология, возносящая на вершину идеологической триады государство, которому подчиняется как общество в целом, так и каждый отдельно взятый его представитель.

Рисунок 1 (Figure 1)

При всей политической схожести современных диктатур в Африке их идеологии заметно различаются. Так, бывшие страны “социалистической ориентации”, входившие в советскую сферу влияния – Ангола и Конго – официально декларировали приверженность социал-демократическому пути развития, что на практике не привело правящие режимы к отказу от диктаторских методов правления.

Заметную идеологическую эволюцию пережил и режим Р. Мугабе, бесспорного лидера Зимбабве с момента обретения этой страной независимости в 1980 г. и главы правящей партии Африканский Национальный Союз

⁸ *CIRI Human Rights Data Project*. URL: <http://www.humanrightsdata.com> (accessed 27.05.2016).

Зимбабве – Патриотический Фронт (ЗАПУ-ПФ). Будучи одним из руководителей национально-освободительного движения в бывшей британской колонии Южная Родезия, Мугабе был активным сторонником марксистско-ленинской идеологии. Став лидером нового независимого государства с многорасовым составом населения, принявшего название Зимбабве, он сохранил приверженность идеям социализма. Это нашло выражение в увлечении идеями национализации экономики, в недоверии к частной собственности. Однако неспособность Мугабе построить эффективную развивающуюся экономику, обострение социальных и межэтнических отношений в стране побудили его провести масштабную кампанию по экспроприации собственности и изгнанию из Зимбабве белых фермеров. Эта политика потребовала и дополнения марксистской идеологии идеями африканского национализма. В дальнейшем, когда режим Мугабе попал под санкции со стороны США, Великобритании и их союзников, составной частью идеологии зимбабвийского лидера и партии ЗАПУ-ПФ стали идеи борьбы с Западом и его влиянием.

Для прочих авторитарных режимов в Африке, выросших из прежней “социалистической ориентации”, характерны идеи милитаризма и антисепаратизма (Экваториальная Гвинея) или защиты стабильности от внешних и внутренних врагов (Алжир).

В последнее время у некоторых диктаторов на африканском континенте в моду вновь входит панафриканизм, который в середине прошлого века играл роль популярной идеологии антиколониального движения. Сегодня идея защиты Африки от внешнего вмешательства и влияния становится популярной среди диктаторов, опасющихся преследований со стороны Международного уголовного суда за содеянные ими преступления [Wamwere 2015], тем более что подобные прецеденты уже были (Международный трибунал по Руанде, ордер, выданный на арест президента Судана Омара аль-Башира, обвиненного в убийствах мирного населения).

Для идеологий некоторых диктатур характерно эклектичное соединение совершенно разных идеологических доктрин. Так, режим президента Руанды П. Кагаме наряду с традиционными для африканских диктатур идеями секьюритизма и патриотизма, ассоциирует себя с политикой модернизации, проводившейся в стране и приведшей к ускорению экономического роста, снижению коррупции, а также с панафриканизмом. Апелляцию к ценностям развития следует признать исключением среди постколониальных диктатур в Африке. Идеологически они нацелены на идею сохранения, защиты своих режимов от внешнего давления. Это типичные авторитаризмы удержания статус-кво.

НЕОАВТОРИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Одной из особенностей изменений, происшедших на политической карте мира в конце XX – начале XXI вв., стало появление группы неоавторитарных режимов. В отличие от традиционных авторитарных диктатур, неоавторитарные режимы отличаются большей гибкостью, нередко позиционируют себя в качестве сторонников универсальных ценностей прав человека, утверждают, что в своей политике ориентируются на общепринятые демократические стандарты. Группу государств, в которых правят режимы, обозначаемые как неоавторитарные, целесообразно разделить на две подгруппы.

Первую подгруппу составляют девять государств, образовавшихся на территории СССР после его распада, с правящими режимами, которые можно

условно назвать постсоветскими неоавторитарными режимами. Основные характеристики этих государств представлены в табл. 4.

Таблица 4 (Table 4)

Постсоветские неоавторитарные режимы
Post-Soviet Neoauthoritarian Regimes

Конституционное название	Форма правления	Тип режима	Начало режима	Правители	Регион
Республика Беларусь	ППР	П	1994	Президент, с 1994 г.	ВЕ
Республика Казахстан	ППР	П	1991	Президент, с 1990 г.	ВЕА
Российская Федерация	ППР	КП	2000	Политико-экономические группы, президент, с 2000 г.	ВЕА
Азербайджанская Республика	ПрР	ПД	1993	Президент, сын Г. Алиева, с 2003	ПАЗ
Республика Армения	ППР	К	1991	Политико-экономические группы	ПАЗ
Кыргызская Республика	до 2010 ПаР с 2010 ПрР	К	1991	Родовые кланы	СА
Республика Таджикистан	ПрР	П	1994	Президент, с 1994 г.	СА
Туркменистан	ПрР	П	1991	Президент, преемник С. Ниязова, с 2007 г.	СА
Республика Узбекистан	ППР	П	1991	Президент, с 1990 г.	СА

Сокращения. **Форма правления:** ПрР – президентская республика; ППР – президентско-парламентская республика; ПаР – парламентская республика. **Тип режима:** П – персоналистский; ПД – персоналистский династический; К – корпоративный; КП – корпоративный персоналифицированный. **Регион:** ВЕ – Восточная Европа; ВЕА – Восточная Европа, Азия; ПАЗ – Передняя Азия, Закавказье; СА – Средняя Азия.

В Киргизии с 2010 г. формой правления стала парламентская республика, но до этого также была конституирована президентская республика. В Армении, являющейся президентско-парламентской республикой, после прошедшего в декабре 2015 г. национального референдума была одобрена конституционная реформа по переходу к парламентской форме правления. Поэтому, возможно, в ближайшее время на постсоветском пространстве одной парламентской республикой станет больше. Но даже с учетом этой перспективы можно констатировать, что для государств с правящими постсоветскими неоавторитарными режимами приоритетна форма правления с доминантой института президентской власти.

Персоналистский режим установлен в шести постсоветских государствах. При этом режим в Азербайджане уже приобрел характер династического и после смерти правившего десять лет Г. Алиева должность президента занял его сын И. Алиев, а в Туркменистане имела место политическая преемственность при смене правителя после смерти правившего пятнадцать лет президента С. Ниязова. При этом после смены власти (2006 г.), политический режим начал эволюционировать от султанистского (в терминологии Х. Линца и А. Степана) к неоавторитарному. Переход этот полностью еще не завершился. Режимы в России, Армении и Киргизии носят корпоративный характер, в первых двух случаях правят политико-экономические группы, поэтому к этим режимам применимо и определение “олигархический”, а в Киргизии –

родовые кланы⁹. При этом в России режим, который олицетворяет президент В. Путин, носит явно выраженный персонифицированный характер.

Ключевая характеристика постсоветских неоавторитарных режимов состоит в том, что вне зависимости от их персоналистского или корпоративного характера социальные группы и их лидеры, которые осуществляют такие режимы, представляют собой выходцев и/или прямых наследников правившей в СССР партийно-хозяйственной номенклатуры. При этом у постсоветской номенклатуры наряду с другими есть существенные отличия от советской номенклатуры в ценностном и идеологическом контексте [см. Нисневич 2015]. Постсоветская номенклатура, в отличие от своей исторической предшественницы, полностью отказалась от какой-либо привязки к идеологии марксизма-ленинизма.

Советская номенклатура, в терминах М. Олсона, играла роль “стационарно-го бандита”, который “имеет всеохватывающий интерес в отношении контролируемой им территории и, соответственно, обеспечивает на ней внутренний порядок и другие общественные блага” [Олсон 2012: 39]. В условиях “железного занавеса”, закрывавшего ей возможности уехать на Запад, эта номенклатура была вынуждена брать на себя определенную социальную ответственность за управляемых ею сограждан. К этому же ее подвигала и коммунистическая идеология, накладывавшая ограничения на ее стремление к обогащению.

Базовая ценность постсоветской номенклатуры и ее собственная идеология заключается в достижении материального обогащения и социального превосходства посредством использования публичной власти. Сущность и институциональный механизм коррупции в публичной сфере состоит именно в неправомерном использовании различных видов ресурса власти не по его прямому назначению, а в целях получения личной или групповой как материальной, так и нематериальной выгоды [Нисневич 2012а: 109]. Именно эта *идеология коррупции*, мотивирующая социальное и политическое поведение правящих слоев, оказывается латентной, непубличной идеологией правящих при постсоветском неоавторитарном режиме социальных групп.

Быстрому ее распространению и утверждению способствовало то обстоятельство, что еще в 1990-е годы постсоветская номенклатура очень эффективно использовала момент перехода к рынку, полностью сбросив с себя социальную ответственность под предлогом того, что в новых условиях “каждый

⁹ От Редакции. Авторы осознанно исключают Украину из числа постсоветских неоавторитарных режимов. Тем не менее, их аргументация фрагментарна и не вполне последовательна. Позиция Линца и Степана, на повсеместно цитируемую работу которых они ссылаются, скорее свидетельствует в пользу причисления Украины к этой категории. В упоминаемой авторами публикации Карозерса (в русском переводе) Украина характеризуется как страна, начавшая смещаться от режима доминирующей власти к состоянию “бесплодного плюрализма” (*feckless pluralism*). Но то было на рубеже тысячелетий, а сегодня говорить о движении украинской политики к плюрализму, пусть даже “бесплодному”, не приходится. К прежней коррумпированности, неэффективности, эгоистичности ее элит, пусть и в какой-то мере, к судьбе страны (по Карозерсу), украинская система власти в последние годы присовокупила явный авторитарный тренд: в прошлом остались известная независимость судебной системы, относительно свободные выборы, идейно-политический плюрализм. Сформулированные самими авторами критерии типологизации неоавторитарных режимов, такие, например, как их корпоративный характер и правление олигархических политико-экономических групп, в случае Украины также скорее “срабатывают”, нежели позволяют исключить ее из этого ряда. Особенно – ввиду конституционно-правовой катастрофы украинского государства в последние годы, удручающей неспособности его демократических институтов, все более очевидной “борьбы персон” за контроль над силовыми и информационными ресурсами власти, а также нарастающей симптоматики этнического авторитаризма. Исключая украинский казус из пространства постсоветского неоавторитаризма, авторы, по сути, ограничивают и обедняют когнитивный потенциал разрабатываемой модели, сфера применимости которой лимитируется не объективным типологическим сходством постсоветских политий, а субъективными авторскими установками (демонстрируя тот самый “сюреализм” в оценках, о котором писал в свое время Карозерс).

должен зарабатывать сам”. Политика интеграции постсоветских государств в глобальную экономику открыла перед новой номенклатурой огромные возможности для перевода награбленных средств на стабильный и благополучный Запад. В этом смысле ее отношение к собственной стране подобно отношению “кочующего бандита” [Олсон 2012: 33], у которого по определению не может быть никакой идеологии, кроме собственного обогащения.

Однако идеология коррупции как собственная идеология правящей постсоветской номенклатуры, очевидно, не может быть афиширована и явно непригодна как идеология массовой мобилизации. В качестве инструментария поддержки правящих режимов (кроме России) используется наиболее подходящая для этой цели и вполне органичная для бывших республик СССР идеология построения национального государства. Такая идеология в каждом государстве приобретает более или менее выраженную националистическую окраску. В России пропагандируется идеология “нового консерватизма”, представляющая эклектичную смесь идей возвращения стране статуса великой державы, которому якобы мешает “враждебное окружение”, с апелляцией к патриархальным общественным и культурным ценностям. Следует отметить, что все постсоветские государства, несмотря на свои неоавторитарные устремления, участвуют в основополагающих международных пактах о правах человека, а в их конституциях человек, его права и свободы провозглашаются базовой ценностью.

Таким образом, постсоветским неоавторитарным режимам свойственна трехслойная идеологическая компонента. Она включает: идеологию коррупции как латентную идейно-ценностную основу жизнедеятельности правящей постсоветской номенклатуры; государственническую идеологию с той или иной националистической окраской для публичного внутривластного потребления с целью сплочения и мобилизации масс на поддержку правящего режима; декларируемую в международном политическом пространстве имитацию приверженности служению человеку как высшей ценности, его правам и свободам. При этом на публичной вершине идеологической триады де факто находится национальное государство, требующее всемерной защиты его суверенитета. Среди правящих слоев идеология коррупции приобретает популярность в форме восприятия власти как возможности превращения государства в бизнес-проект, позволяющий получать сверхприбыли. Через этот идеологический конструкт в научной литературе получает распространение характеристика неоавторитарного государства как “государства-корпорации”.

Вторая подгруппа государств, в которых правят неоавторитарные режимы, представлена в табл. 5.

В этой подгруппе особый случай представляет собой Иран, руководит которым (при президентской форме правления) имам, рахбар – религиозный “лидер страны”, назначаемый “всенародно выбранными экспертами” (Конституция Ирана, ст. 107). “Управление Исламской Республикой Иран осуществляется законодательной, исполнительной и судебной властями, которые функционируют под контролем абсолютного правления имама” (ст. 57). Таким образом, в качестве формы правления совмещаются теократия, при которой власть в государстве принадлежит религиозному институту, и президентская республика. При первом лидере страны аятолле Р. Хомейни (1979–1989 гг.) правящий режим носил выраженный персоналистский характер, а с 1989 г. при его преемнике аятолле А. Хаменеи режим приобрел корпоративный характер правления группировок религиозных деятелей. Базовые ценности, которые разделяют и правящие, и управляемые, определяются сочетанием исламской религии и идеологии сохра-

нения и развития национального государства, населенного многими народами и этническими группами. Теократия обеспечивает целостность многосоставного Иранского государства, поэтому для правящего в Иране режима идеологическая триада подобно авторитарной монархии имеет вершину, состоящую из двух связанных пиков. Один пик соответствует форме национального исламского государства, а другой — обществу в формате исламской религиозной общности. При этом Иран является участником обоих международных пактов о правах и свободах человека, и его конституция содержит соответствующий раздел, который, правда, носит своеобразное название “Права народа”.

Для неавторитарных режимов шести африканских государств, и примыкающего к ним по основным параметрам режима в Шри-Ланке, характерны следующие особенности. Во-первых, их становление либо происходило в результате военных переворотов, когда свергались более жесткие диктаторские режимы, либо сопровождалось внутренними вооруженными конфликтами, в том числе и с иностранным вмешательством.

Таблица 5 (Table 5)

Неоавторитарные режимы
Neauthoritarian Regimes

Конституционное название	Форма правления	Тип режима	Начало режима	Правители	Регион
Республика Бурунди	ПрР	П	2005, окончание гражданской войны	Президент, с 2005 г.	ВА
Федеративная Демократическая Республика Эфиопия	ПаР	П	1991, свержение режима Менгисту	Премьер-министр, преемник, с 2012 г.	ВА
Республика Гамбия	ПрР	П	1996, военный переворот в 1994 г.	Президент, с 1996 г.	ЗА
Федеративная Республика Нигерия	ПрР	К	1998, четвертая республика	Политико-экономические группировки	ЗА
Мозамбик	ПрР	К	1992, окончание гражданской войны	Партия ФРЕЛИМО	ВА
Исламская Республика Мавритания	ПрР	К	1991, гражданское правление после военного переворота 1984	Группировки военных	ЗА
Республика Никарагуа	ПрР	П	2006	Президент, с 2006 г.	ЦАм
Боливарианская Республика Венесуэла	ПрР	П	1998	Президент, преемник У. Чавеса, с 2013 г.	ЮАм
Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка	ПрР	К	1972, до 2009 гражданская война	Семейные кланы	ЮАз
Исламская Республика Иран	ТПР	КП	1979, исламская революция	Группировки религиозных деятелей, аятолла, с 1989 г.	БВ

Сокращения. **Форма правления:** ПрР – президентская республика; ПаР – парламентская республика; ТПР – теократическая президентская республика. **Тип режима:** П – персоналистский; К – корпоративный; КП – корпоративный персонализированный. **Регион:** ВА – Восточная Африка; ЗА – Западная Африка; ЦАм – Центральная Америка; ЮАм – Южная Америка; ЮАз – Южная Азия; БВ – Ближний Восток.

Во-вторых, везде, кроме Бурунди, в той или иной мере была влиятельна марксистская идеология. В Эфиопии и Мозамбике от нее отказались нынешние правители, что в существенной мере было обусловлено распадом СССР и социалистического блока. В Гамбии и Шри-Ланке, в которой и до настоящего времени формально сохраняется социалистическая ориентация, как это следует из официального названия государства, были подавлены попытки радикальных сторонников марксистской идеологии совершить военные перевороты.

В-третьих, большое значение имеют проблемы укрепления единства и сохранения стабильности государства. Так, для этих стран, по данным 2015 г., индекс несостоятельности (хрупкости) государств¹⁰ превышает значение 90, соответствующее началу зоны опасного уровня рисков. Исключение составляет лишь Мозамбик со значением этого индекса 86,9.

Идеологией правителей рассматриваемых режимов выступает достижение материального обогащения и социального превосходства через использование государственной власти, т.е. идеология коррупции. Подтверждением этому может служить тот факт, что именно на основе анализа коррупционных практик в государствах Западной Африки и, прежде всего, в Нигерии, Л. Гевелинг ввел в научный оборот понятие такого политического режима, как клептократия. Он определил клептократию как “власть воров”, которая “представляет собой базирующуюся на коррупции форму организации власти и адекватную ей социально-политическую группу, члены которой, допуская серьезные нарушения общественных норм, используют свои властные (обычно государственно-политические) полномочия для быстрого самообогащения и укрепления ключевых позиций в обществе” [Гевелинг 2011: 10].

176 В качестве публичной политической идеологии массовой мобилизации населения на поддержку правящих режимов используется идеология укрепления единства страны и усиления национального суверенитета. При этом режимы не только отказались от социализма, но и используют критику социалистического пути развития, марксистской идеологии, а также радикального национализма.

Во второй подгруппе неоавторитарных режимов заметно выделяются режимы, правящие в государствах Латинской Америки – Никарагуа и Венесуэле. Во-первых, на начальном этапе становления этих режимов их лидеры избирались на президентские посты в ходе свободных демократических выборов (У. Чавес в Венесуэле в 1998 г. и Д. Ортега в Никарагуа в 2006 г.). Последующие президентские и парламентские выборы в этих государствах, по данным *Freedom House*, не были свободными и честными¹¹.

Следует отметить, что для Д. Ортеги это было второе “пришествие во власть”. Он был одним из лидеров Сандинистской революции, свергнувшей в 1979 г. диктатора А. Самосу, и находился у власти до 1990 г. Затем трижды (в 1990, 1996 и 2001 гг.) Ортега проигрывал президентские выборы, и с 1990 по 2006 гг. в Никарагуа правил демократический режим. В 2011 г. Ортега выиграл президентские выборы.

Чавес становился президентом Венесуэлы четыре раза: в 1998, 2000, 2006 и 2012 гг. После его смерти президентом в 2013 г. стал его политический преемник Н. Мадуро, при этом 6 декабря 2015 г. на парламентских выборах одержал победу оппозиционный блок “Круглый стол Демократического единства”,

¹⁰ *Fragile State Index. The Fund of Peace*. URL: <http://library.fundforpeace.org/fsi> (accessed 26.05.2016).

¹¹ About Freedom in the World. – *Freedom House*. URL: <http://freedomhouse.org/report-types/freedom-world> (accessed 26.05.2016).

получивший две трети мест в однопалатной Национальной ассамблее, что может стать началом конца правившего 17 лет левого режима Чавеса — Мадуро¹².

Во-вторых, и в Никарагуа, и в Венесуэле режимы и их лидеры опираются на правящие доминантные партии с левой идеологией. В Никарагуа это “Сандинистский фронт национального освобождения”, который начинал свою деятельность как марксистская партия, но в настоящее время придерживается идеологии левого традиционализма.

В Венесуэле Чавес выступал как лидер широкой коалиции левых партий, но в 2007 г. после так наз. Боливарианской революции создал собственную “Единую социалистическую партию Венесуэлы”, идеологией которой является боливаризм, главным идеологом которого и был Чавес. Боливаризм представляет собой вид социалистического учения, в котором акцент смещается с национал-патриотизма к левому радикализму [см. Кусакина 2008]. Примечательно, что поначалу Чавес позиционировал свою идеологию как “социализм XXI века”, более открытый и гуманный, чем, например, кубинский социализм, который лидер Венесуэлы сравнивал с “бункером”.

При этом как левый традиционализм Ортеги, так и боливаризм Чавеса и Мадуро институционально ориентированы на построение национального социалистического государства, в котором формой правления должна стать так наз. социалистическая демократия.

В-третьих, и для Венесуэлы, и для Никарагуа, по данным *Transparency International* и *World Bank*, значения соответственно индекса восприятия коррупции и индекса контроля коррупции указывают на то, что эти государства находятся в зоне очень высокой коррупции (значения нормированных индексов больше 0,7). Следовательно, коррупция в публичной сфере этих государств носит системный характер, поразила все уровни публичной власти, начиная с высшего руководства, и обосновывающая ее система взглядов и идейных установок служит собственной идеологией правящих социальных групп и их лидеров. Подтверждает это и факт, что правящие в Венесуэле и Никарагуа неоавторитарные режимы удерживают власть во многом благодаря политической коррупции. Так, Чавес использовал для удержания власти внесение в 1999 г. в конституцию положений об увеличении срока президентских полномочий до шести лет и о предоставлении действующему президенту возможности избрания на второй срок. Для сохранения власти президентом Ортегой Конституционный суд Никарагуа внес по его запросу в 2011 г. изменение в конституцию, позволявшее действующему президенту повторно без перерыва баллотироваться на этот пост¹³.

Наряду с лидерами Венесуэлы и Никарагуа к “радикалам” в рамках так наз. левого поворота в Латинской Америке относят Э. Моралеса и Р. Корреа — лидеров режимов, правящих в Боливии и Эквадоре [см. Букова 2011]. Режимы в этих странах, по данным *Freedom House*, относятся к электоральным демократиям¹⁴, так как пока там обеспечиваются свободные и честные выборы, представляющие

¹² Выборы в Венесуэле: начало конца латинского социализма. — *Русская служба BBC*. 2015. 7.12. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151207_venezuela_election (accessed 24.05.2016).

¹³ Сандинисты выдвинули кандидатом в президенты Даниэля Ортегу; суд разрешил ему участвовать в выборах второй раз подряд. — *Газета. Ру*. Доступ: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/02/27/n_1723397.shtml (проверено 27.05.2016).

¹⁴ About Freedom in the World. — *Freedom House*. URL: <http://freedomhouse.org/report-types/freedom-world> (accessed 26.05.2016).

собой политический порядок. Однако второй бинарный порядок полиархической демократии по Р. Далю [см. Нисневич 2012b], а именно сменяемость по результатам выборов должностных лиц и в Боливии, и в Эквадоре перестает обеспечиваться. Действительно, Моралес уже трижды избирался президентом Боливии в 2005, 2009 и 2014 гг. и трижды избирался президентом Эквадора Корреа в 2006, 2009 и 2013 гг.

В этих государствах формируется режим, определяемый Т. Карозерсом как режим “доминирующей власти”, при котором “результатом длительного удержания власти одной политической группировкой обычно становится крупномасштабная коррупция и “приятельский капитализм” (*crony capitalism*) [см. Карозерс 2003]. Можно сделать вывод, что в Боливии и Эквадоре формируются неоавторитарные режимы по типу режимов, правящих в Венесуэле и Никарагуа, которые в случае их сохранения рано или поздно изменяют в интересах удержания власти институт свободных и честных выборов.

Все государства с неоавторитарными режимами, входящие во вторую подгруппу, участвуют в международных пактах о правах человека, за одним небольшим исключением – Мозамбик не подписал пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Таким образом, неоавторитарным режимам второй подгруппы так же, как и постсоветским неоавторитарным режимам, свойственна трехслойная идеологическая компонента, о которой говорилось выше. При этом на публичной вершине идеологической триады де-факто также находится национальное государство, требующее всемерной защиты его суверенитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

178

Для современных авторитарных и неоавторитарных режимов характерен широкий идеологический диапазон. При этом классические идеологии (будь то охранительные, которые апеллируют к необходимости защиты независимости и суверенитета страны от разного рода внутренних и внешних угроз, или же, напротив, идеологии развития, модернизации) в чистом виде встречаются все реже и реже. Это объясняется двумя фундаментальными причинами.

Во-первых, сказывается влияние общемирового тренда ослабления влияния идеологий на политику, затрагивающего и страны третьего мира, в которых преимущественно и распространены авторитарные и неоавторитарные режимы. Лишь рудиментарные коммунистические режимы по-прежнему предпочитают сохранять глубокую идеологизированность, поскольку именно идеологии играют решающую роль в оправдании монополии на власть правящих компартий. Хотя и в этих странах традиционные версии коммунистической идеологии претерпевают серьезные трансформации.

Во-вторых, современная эпоха, которую все чаще называют “постфордистской” [см. Постфордизм 2015], требует от любых политических систем все большей гибкости и адаптивности к постоянно меняющимся внутривнутриполитическим и международным условиям. Это ставит авторитарные и неоавторитарные режимы перед новыми вызовами. В целях выживания они вынуждены отходить от жесткой привязки к каким-то конкретным идеологиям и демонстрировать идеологическую эклектичность, многослойность, иногда даже напоминающую “всеядность”. В этом идеологическом “коктейле” все более заметно стремление авторитарных режимов представить идеологию коррупции как новую идеологию, обосновывающую законность власти “успешных людей”, своего рода

новой меритократии. Подобные явления чаще всего возникают в странах со стагнирующими экономиками, притом, что факторы внешней и внутренней угрозы существующим системам власти слабы или вовсе отсутствуют.

Несмотря на огромное идейное многообразие, эклектичность и готовность к модификациям, идеологии всех авторитарных и неоавторитарных режимов сохраняют традиционные родовые черты. Для них высшей ценностью по-прежнему остается государство, а человек с его правами и свободами занимает низшую ступень в ценностной иерархии.

Публичная идейно-ценностная доминанта государства для авторитарных и неоавторитарных режимов обусловлена тем, что только идеология этатизма, рассматривающая государство как результат и цель общественного развития¹⁵, позволяет путем пропагандистского манипулирования понятиями “государство” и “легитимная власть” сконструировать идеологическое обоснование необходимости сохранения и всенародной поддержки таких режимов как единственной возможности обеспечения целостности национального государства и его защиты от внешних врагов.

Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: Центрком. 672 с.

Балканский А. 2011. *Ким Ир Сен*. М.: Молодая гвардия. 272 с.

Букова И.А. 2011. *Тенденция регионализации и “левый поворот” в странах Латинской Америки*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. 183 с.

Гевелинг Л.В. 2001. *Клетократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти*. М.: Изд-во “Гуманитарий” Академии гуманитарных исследований. 592 с.

Жижек С. 1999. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал. 236 с.

Зиновьев А.А. 2003. *Запад*. М.: Эксмо, Алгоритм. 512 с.

История Африки в биографиях. Под общ. ред. А.Б. Давидсона. 2012. М.: РГГУ. 1112 с.

Карозерс Т. 2003. Конец парадигмы транзита. — *Политическая наука*. № 2. С. 42-65.

Карозерс Т., Самет-Маррам О. 2015. *Новый мировой рынок политических изменений*. М.: Московский Центр Карнеги. URL: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=60185> (проверено 27.05.2016).

Кусакина М.В. 2008. *Концепция боливаризма в современной политической мысли Латинской Америки (1980-е гг. — начало XXI в.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва. 147 с.

Ломанов А. 2015а. Общий знаменатель нации. — *Россия в глобальной политике*. № 5. С. 138-152.

Ломанов А.В. 2015б. Современная китайская концепция “мягкой силы” — “Мягкая сила” в отношениях Китая с внешним миром. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 224 с.

Нисневич Ю.А. 2011. Политико-правовой анализ как метод политических исследований. — *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. № 1. Т. 4. С. 6-15.

Нисневич Ю.А. 2012а. *Государство XXI века: тенденции и проблемы развития*. М.: КНОУРС. 288 с.

Нисневич Ю.А. 2012б. Что такое демократия? — *Вопросы политологии*. № 1 (5). С. 29-40.

Нисневич Ю.А. 2015. *Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя*. Препринт WP14/2015/13. НИУ ВШЭ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 56 с.

¹⁵ См. Большой энциклопедический словарь. 2003. М.: АСТ, Астрель. 1247 с.

Олсон М. 2012. *Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство. 212 с.

Постфордизм: концепции, институты, практики. 2015. М.: РОССПЭН. 279 с.

Сальвиа Г. 2009. Демократия или социализм? — *Россия в глобальной политике*. № 5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14031 (проверено 27.05.2016).

Соловьев А.И. 2007. Политическая идеология. — *Политология: Лексикон*. М.: РОССПЭН. С. 346-365.

Хантингтон С. 2005. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ. 603 с.

Халаписис А.В. 2010. Постидеологический мир? — *Грані. Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах*. № 6 (74). С. 60-62.

Goemans H.E., Gleditch S.K., Chiozza G. 2009. *Archigos. A Data Set on Leaders 1875-2004*. Version 2.9. URL: <http://www.rochester.edu/college/faculty/hgoemans/Archigos.2.9-August.pdf> (accessed 27.05.2016).

Linz J.J. 1975. Totalitarian and Authoritarian Regimes. — *Handbook of Political Science. Vol. 3. Macropolitical Theory*. Ed. By F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Reading, Mass., Addison-Wesley Pub. Co. 175-411 p.

Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore, L.: John Hopkins University Press. 479 p.

Vacunta P. 2006. Le problème de l'Afrique. — *CODESRIA Bulletin*. No. 3 & 4. 34-35 p.

Wamwere K.-W. 2015. Uhuru, Ruto and Museveni Offer Pan-Africanism of Dictators. — *The Star (Kenya)*. August. 15.

DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13

180 MODERN AUTHORITARIANISM AND POLITICAL IDEOLOGY

Yu.S. Nisnevich¹, A.V. Ryabov²

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

²Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

NISNEVICH Yulii Anatolievich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics. Email: nisjulius@gmail.com; RYABOV Andrey Vilenovich, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: andreyr@imemo.ru

Received: 16.02.2016. Accepted: 27.03.2016

Abstract. Ideologies of authoritarian and neo-authoritarian regimes are analyzed in the article. The analysis is carried out in three clusters: “rudimentary” authoritarian regimes, post-colonial dictatorships, neo-authoritarian regimes. Within the first cluster regimes are subdivided into two subgroups: authoritarian monarchies and “communist regimes”. The regimes united in the third cluster are also subdivided into two subgroups: post-Soviet regimes and neo-authoritarian regimes in Africa, Asia and Latin America. It is noted that in the age of decline of ideologies on a global scale authoritarian and neo-authoritarian regimes as before need political ideologies for legitimacy of their power. However, in contemporary epoch which sets authoritarian and neo-authoritarian regimes before new and much more complicated challenges they are forced to use more flexibility in ideological issues in order to adapt themselves to the rapidly changing world. Ideologies of such regimes lose former integrity and become “multi-layer”, eclectic. Such “non-ideological” element as corruption becomes a part of ideologies of neo-authoritarian regimes. But herewith priority of the state as the highest value remains “bearing structure” of political ideologies of all authoritarian and neo-authoritarian regimes. The human being, protection of its rights and liberties are recognized by neo-authoritarian regimes as values that occupy secondary and subordinate place in ideological hierarchy and political practice of these regimes.

Keywords: authoritarianism; neo-authoritarianism; political ideologies; values; personified regimes; democracy; human rights and liberties; state; society; human.

References

- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. (Russ. ed.: Arendt H. *Istoki totalitarizma*. Moscow: Tsentrkom. 1996. 672 p.)
- Balkanskii A. *Kim Ir Sen* [Kim Il-sung]. Moscow: Molodaya gvardiya. 2011. 272 p. (In Russ.)
- Bukova I.A. *Tendentsia regionalizatsii I "levyi povorot" v stranakh Latinskoi Ameriki* [The Trend of Regionalization and "Left Turn" in Latin America]. 2011. Moscow. 183 p. (In Russ.)
- Geveling L.V. *Kleptokratiia. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie korruptsii i negativnoi ekonomiki. Bor'ba afrikanskogo gosudarstva s destruktivnymi formami organizatsii vlasti* [Kleptocracy. The Socio-political Dimension of Corruption and Negative Economy. Fighting African State with Destructive forms of Organization of Power]. Moscow: Izd-vo "Gumanitarii" Akademii gumanitarnykh issledovani. 2001. 592 p. (In Russ.)
- Goemans H.E., Gleditch S.K., Chiozza G. *Archigos. A Data Set on Leaders 1875-2004*. Version 2.9. 2009. URL: <http://www.rochester.edu/college/faculty/hgoemans/Archigos.2.9-August.pdf> (accessed 27.05.2016).
- Istoriia Afriki v biografiiakh*. Pod. obsch. red. A.B. Davidsona [History of Africa in the biographies. Ed. by A.B. Davidson]. 2012. Moscow: RGGU. 1112 p. (In Russ.)
- Karozers T. The End of the Transit Paradigm. — *Political Science (RU)*. 2003. No. 2. P. 42-65. (In Russ.)
- Karozers T., Samet-Marram O. *Novyi mirovoi rynek politicheskikh izmenenii. Rabochie materialy* [New World Market Policy Changes]. Moskovskii Tsentr Karnegi. 2015. (In Russ.) URL: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=60185> (accessed 27.05.2016).
- Khalapsis A.V. Post-ideological World? — *Grani. Naukovo-teoretichnii i gromadsko-politichnii al'manakh*. 2010. No. 6 (74). P. 60-62. (In Russ.)
- Huntington S.P. The Clash of Civilizations. (Russ. ed.: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow: AST. 2005. 603 p.)
- Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. — *Handbook of Political Science. Vol. 3. Macropolitical Theory*. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Reading, Mass., Addison-Wesley Pub. Co. 1975. 175-411 p.
- Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London: John Hopkins University Press. 1996. 479 p.
- Lomanov A. The Common Denominator of the Nation. — *Russia in Global Affairs*. 2015. No. 5. P. 138-152. (In Russ.)
- Lomanov A.V. Sovremennaya kitaiskaya konseptsia "myagkoi sily". — "Myagkaya sila" v otnosheniakh Kitaya s vneshnim mirom [Modern Chinese Concept of "Soft Power" — "Soft Power" in China's Relations with the Outside World]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. 2015b. 224 p. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. Political and Legal Analysis as a Method of Political Studies. — *Problemy analiz gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2011. No. 1. Vol. 4. P. 6-15. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. What Is Democracy? — *Voprosy politologii*. 2012. No. 1 (5). P. 29-40. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. *Gosudarstvo XXI veka: tendentsia i problemy razvitiia* [State of the XXI Century: Trends and Challenges]. Moscow: KNOURS. 2012. 288 p. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. *Regeneratsia nomenklatury kak pravynashego sotsialnogo sloya* [Regeneration of the Nomenclature of the Ruling Social Stratum]. Preprint WP14/2015/13. NIU VShE. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki. 2015. 56 p. (In Russ.)
- Olson M. *Vlast' I protsvetanie: pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 2012. 212 p. (In Russ.)
- Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki [Post-Fordism: Concepts, Institutions, Practices]. Moscow: ROSSPEN. 2015. 279 p. (In Russ.)
- Salvia G. Demokratiia ili sotsializm? — *Russia in Global Affairs*. 2009. No. 5. (In Russ.) URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14031 (accessed 27.05.2016).
- Solov'ev A.I. Politicheskaya ideologiya [Political Ideology]. — *Politologiya: Leksikon* [Political Studies: Lexicon]. M.: ROSSPEN. 2007. P. 346-365. (In Russ.)
- Vacunta P. Le problème de l'Afrique. — *CODESRIA Bulletin*. 2006. No. 3 & 4. 34-35 p.
- Wamwere K.-W. Uhuru, Ruto and Museveni offer Pan-Africanism of Dictators. — *The Star (Kenya)*. 2015. August. 15.
- Žižek S. *The Sublime Object of Ideology*. (Russ. ed.: Žižek S. *Vozvyshennyi ob'ekt ideologii*. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal. 1999. 236 p.)
- Zinoviev A.A. *Zapad* [The West]. Moscow: Eksmo, Algoritm. 2003. 512 p. (In Russ.)